

Пырх Виктория Олеговна

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО РЕФОРМЕ 1885 ГОДА

В статье рассмотрена проблема преобразования западносибирской прокуратуры по судебной реформе 1885 года. Проанализированы основные положения "Временных правил о некоторых изменениях по судоустройству и судопроизводству в губерниях Тобольской, Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае", касающиеся реорганизации прокурорского надзора в регионе. Значительное внимание уделено оценкам нововведений представителями сибирской общественности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/7/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(81) С. 167-170. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. Кончин Е. В гостях у Ватагина // Советская культура. 1965. 7 января.
5. Мискарян К. Г., Бочаров Г. Н. Дерево в архитектуре и скульптуре славян. М.: Советский художник, 1987. 271 с.
6. Письма Горлова Д. В. Ватагину В. А. // РГАЛИ. Ф. 3022. Оп. 1.
7. Письма Горлова Дмитрия Владимировича Стулову И. К. 26 июня 1972 – 14 мая 1977 // РГАЛИ. Ф. 3234. Оп. 1.
8. Письма Горловых Дмитрия Владимировича и Лидии Дмитриевны Кобяшовой Руфине Семеновне. 6 мая 1968 – 19 февраля 1985 // РГАЛИ. Ф. 3234. Оп. 1.
9. Письмо Баландина к Н. Е. Машковцеву. 30 III 1941 // Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (ОРГТГ). Ф. 91.
10. Письмо Кардашева А. Н. Машковцеву Николаю Егоровичу. 18 февраля 1941 // ОРГТГ. Ф. 91.
11. Померанцев Н. Н., Масленицын С. И. Русская деревянная скульптура. М.: Изобразительное искусство, 1994. 324 с.
12. Рябинин Б. С. Вглядываясь в жизнь. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1972. 372 с.
13. Серебренников Н. Н. Пермская деревянная скульптура. М.: РИПОЛ Классик, 2013. 110 с.

WOOD IN THE RUSSIAN ANIMALISTIC SCULPTURE OF THE XIX-XX CENTURIES. ON THE ANIMAL PAINTER'S WORKING METHOD

Portnova Irina Vasil'evna, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor
Peoples' Friendship University of Russia in Moscow
irinaportnova@mail.ru

The subject of the article is an analysis of the wooden animalistic sculpture of the XIX-XX centuries. In this genre the plastic properties of one of the ancient materials, wood, were revealed most clearly. It is noted that wood in the classical era of the XVIII – the first half of the XIX century was not appreciated due to the dominance of normative academic aesthetics in art. Nevertheless, it was not disregarded and found a vivid realization in works of animal painters.

Key words and phrases: wooden sculpture; plastic image; material; creative method; nature; properties of wood; animalistic genre; animal; structural qualities; artistic process; form.

УДК 347.963(571.1)(091)

Исторические науки и археология

В статье рассмотрена проблема преобразования западносибирской прокуратуры по судебной реформе 1885 года. Проанализированы основные положения «Временных правил о некоторых изменениях по судоустройству и судопроизводству в губерниях Тобольской, Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае», касающиеся реорганизации прокурорского надзора в регионе. Значительное внимание уделено оценкам нововведений представителями сибирской общественности.

Ключевые слова и фразы: судебная реформа; Временные правила; Западная Сибирь; прокурорский надзор; Тобольская губерния; Томская губерния.

Пырьх Виктория Олеговна

Тюменский государственный университет
vika.inkognito.97@mail.ru

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО РЕФОРМЕ 1885 ГОДА

На протяжении длительного периода Западная Сибирь считалась регионом с «сомнительной» репутацией и ассоциировалась исключительно с местом ссылки, бродяжничества и высокого уровня преступности. Подобными категориями мыслило и российское правительство, которое не торопилось преобразовывать систему судопроизводства и судоустройства сибирских губерний. Положения судебной реформы 1864 г. добрались до Западной Сибири лишь спустя несколько десятилетий, получив при этом статус «временных» и «переходных» мер. В начале 1883 г. министр юстиции Д. Н. Набоков, указав на наличие беспорядков в судебных учреждениях региона, предложил осуществить «хотя бы весьма немногие, наиболее неотложные» меры по усовершенствованию элементов западносибирского правосудия [18, д. 7107^а, л. 1 – 1 об., 46]. Одним из таких элементов являлся прокурорский надзор, который наравне с другими органами судебной системы нуждался в скорейшей модернизации. Результатом активного обсуждения поднятого министром вопроса стали разработка и учреждение «Временных правил о некоторых изменениях по судоустройству и судопроизводству в губерниях Тобольской, Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае» [3], которые вступили в силу на территории Западной Сибири 1 октября 1885 года [8, д. 379, л. 11-12].

«Временные правила» содержали в себе сорок две статьи, часть из которых касалась непосредственно преобразования прокуратуры в Тобольской и Томской губерниях. Согласно положениям законодательного акта, одним из направлений реформы 1885 г. являлось изменение кадрового состава прокурорского надзора. В Западной Сибири упразднились должности стряпчих на губернском, областном, окружном, а также на городском уровнях. Взамен им учреждалась должность товарища прокурора при губернских и окружных прокурорах. В каждом округе назначалось по одному лицу прокурорского надзора [3]. Штат товарищей прокурора, в обязанности которых входило осуществление контроля за производством следственных действий [Там же], в Тобольской губернии составлял девять человек (по количеству окружных судов),

в Томской губернии – шесть [17]. Данные нововведения являлись попыткой правительства приблизить устройство местного органа надзора к прокуратуре, существующей в ряде российских губерний [1, с. 111], и тем самым способствовать повышению его эффективности в регионе. Среди самих сибиряков подобные меры не вызвали положительных отзывов. Местная пресса отмечала, что «прокурорского надзора, в лице одного товарища прокурора на округ, равняющийся по величине любому европейскому государству средней величины, слишком недостаточно» [16, с. 2]. Подобное суждение позже было подтверждено на практике. После реформы 1885 г. в Западной Сибири действительно стал намечаться острый недостаток товарищей прокурора. Их округа совпадали с административными округами губерний, что не соответствовало реальной ситуации в регионе – численность населения в округах была различной, как и количество потенциальных уголовных дел. В результате неправильного разграничения прокурорских участков одни товарищи прокурора томились от безделья, другие же чрезвычайно обременялись работой и нуждались в помощи. К последним относился барнаульский товарищ прокурора, в производстве которого имелось огромное количество нерешенных дел – 1600 [12, с. 67].

В 1890-х гг. после ревизии под руководством обер-прокурора П. М. Бутовского, указывавшего на безобразное ведение дел прокурорского надзора в Западной Сибири [20, с. 171], предпринималась попытка устранить недостатки местного судебного устройства, выявленные комиссией. Согласно мнению Государственного Совета от 1 ноября 1893 г., штат товарищей прокурора в Тобольской губернии был увеличен на пять сотрудников и составил в общей сложности четырнадцать человек. Расширение кадрового состава предполагало решить проблему дефицита товарищей прокурора, однако распространение нововведения лишь на одну из двух западносибирских губерний не имело благоприятных последствий для другой [15].

Помимо штатного дефицита, помощники прокурора сталкивались и с материальными трудностями. Недостаточное финансирование со стороны государства приводило к нехватке денежных средств настолько, что товарищи прокурора не имели возможности справляться с возложенными на них служебными обязанностями. Так, в 1888 г. товарищ прокурора Каинского округа Томской губернии не смог ознакомиться с делопроизводством земских заседателей ввиду отсутствия у него денег на проезд их участков [7, д. 1135, л. 20 – 20 об.]. Финансовый дефицит приводил также и к перегруженности товарищей прокурора бумажной волокитой. «Порядочный письмоводитель» в Сибири был большой редкостью, и даже если таковой находился, услуги его были в основном недоступны для помощника прокурора в силу их дороговизны. Поэтому ведение канцелярских дел прокуратуры полностью ложилось на плечи самого товарища прокурора [4, с. 29].

В целом относительно будущего органов прокурорского надзора в Западной Сибири звучали неутешительные прогнозы. Председатель Тобольского губернского суда Н. П. Геллертов находил положение местных товарищей прокурора безотрадным в силу их чрезвычайного обременения служебными обязанностями: они «почти не жили личной жизнью, а весь день отдавали службе», при этом «малейшее уклонение от нормальных условий жизни» (к примеру, ухудшение собственного состояния здоровья или здоровья близких) неминуемо «отзывалось на ходе делопроизводства». Эффективным способом улучшения положения товарищей прокурора, по мнению этого чиновника, являлось их освобождение от обязанности вносить дела в окружной суд и предоставление судебным следователям и чинам полиции права самостоятельно выполнять эту функцию. Председатель суда отмечал, что влияние лиц прокурорского надзора на отправление правосудия вследствие этого не снизилось бы, так как право просмотра приговоров и определений окружных судов, а также право на протест, останавливавший исполнение приговора и переносивший дело в высшую инстанцию (губернский суд), сохранялись за ними [Там же, с. 31-32].

Подчинение прокуратуре судебных следователей и чинов полиции являлось еще одним нововведением судебной реформы 1885 г. «Временные правила» обязывали их производить расследования по уголовным делам под непосредственным контролем сотрудника прокуратуры. Процедура осуществления досудебного разбирательства была следующей. Прежде чем приступить к дознанию или следствию, полицейские чины должны были первым делом уведомить об этом подлежащее лицо прокурорского надзора, после чего производство по делу поручалось судебному следователю. До момента получения особых распоряжений полицейский чин прекращал свои действия по ведению следствия. Приступить к их производству полагалось судебным следователям «по предложениям» лиц прокурорского надзора или «по непосредственному своему усмотрению». Во втором случае следователь имел право осуществлять следствие лишь в том случае, если он являлся очевидцем совершающегося или совершившегося преступления. О начале судебного расследования следователь также обязывался немедленно известить лицо прокурорского надзора. Следствия, оконченные судебными следователями и чинами полиции, отправлялись на проверку к сотруднику прокуратуры и, в случае отсутствия необходимости проведения «доследования», передавались в подлежащее судебное учреждение. Если же орган прокурорского надзора или суд поднимал вопрос об обязательном «доследовании», его осуществляли те же судебные следователи и полицейские чины [3].

Идею об учреждении прокурорского надзора за досудебным расследованием сибирская общественность восприняла неоднозначно. Одни считали ее успешной, как, например, сотрудники газеты «Сибирь», отмечавшие, что «производство следствий под руководством юристов представляет гораздо более гарантий полноты и правильности, чем прежний порядок производства их под руководством людей столько же некомпетентных, как и сами производители следствий» [13, с. 2]. Другие же отнеслись к ней весьма скептически. Известный юрист, редактор «Сибирского вестника» В. П. Картамышев считал, что ожидать значительного улучшения полицейских следствий от одного влияния прокурорского надзора неразумно, так как «их будут производить те же полицейские чиновники, в значительном большинстве лишенные всякого не только юридического, но и общего образования» [19, с. 4]. Похожая мысль была высказана в одном из номеров «Сибирской газеты»: ни служебная подготовка чинов полиции, ни образовательный ценз для них не давали основания предполагать, что прокуратуре удалось бы «своим наблюдением упорядочить и ускорить их следственную деятельность» [14, с. 782].

Стоит ли говорить об успешности преобразования, если сами чиновники западносибирских губерний отмечали его провальность, делая акцент, прежде всего, на низком уровне нравственности сотрудников полиции. Тобольский губернатор Н. М. Богданович отмечал, что участие полицейских чиновников в судебных делах наносило «ущерб гораздо более серьезным задачам общественного благоустройства и благочиния» [6, д. 1, л. 61]. Подобного мнения придерживался и губернатор, считавший, что полицейские чины, производившие следствия, не пользовались должным доверием у «благонамеренных» людей, «злонамеренные» же видели в них тех, благодаря кому можно было избежать наказания за совершенные преступления через обман или подкуп [12, с. 65-66]. Негативно о привлечении полиции к судебному расследованию отзывались также председатель Тобольского суда З. Н. Герашеневский и тобольский губернский прокурор К. Б. Газенвинкель, которые сразу же после начала проведения реформы 1885 г. заявили о «гибельном» отражении полицейского расследования на отправлении правосудия и предложили изъять досудебное следствие из компетенции чинов полиции [5, д. 502, л. 6 об.]. Волнения местных юристов и чиновников были не случайны. Уже к 1886 г. «разбойники в полицейской форме» и «виртуозы в искусстве вымогательства», как называл тамошних сотрудников полиции путешественник Г. Кеннан [10, с. 239], совместно с судебными следователями накопили в губерниях Западной Сибири изрядное количество неоконченных следствий, которое достигало, по словам местных властей, «громдных» цифр и составляло в Томской и Тобольской губерниях 6707 и 6465 соответственно. В 1892 г. число нерешенных дел в Томской губернии снизилось до 4700, в Тобольской губернии волокита, напротив, достигла огромных масштабов – количество незавершенных следствий увеличилось почти в три раза и составляло не менее 18 тысяч [11, с. 89].

Весьма противоречивым являлось и третье нововведение, которое кардинальным образом меняло положение и статус прокуратуры. «Временные правила» наделяли ее обвинительной властью и тем самым возлагали на данный институт функцию правосудия [3]. Чиновники Министерства юстиции полагали, что данная мера должна была как нельзя лучше способствовать правильному разрешению уголовных дел [18, д. 7107^a, л. 49]. Нескольким иным было мнение местной юридической интеллигенции, представители которой считали, что за счет отсутствия принципа состязательности прокурорский надзор принял «курьезные формы» [1, с. 114]. «Лицо прокурорского надзора, – писал судебный деятель П. В. Вологодский, – как представитель обвинительного начала, в сибирских судах почти всегда произносил стереотипную обвинительную речь: “Гг. судьи! Из данных следственного производства вы видели, что обвиняемый вполне изобличается в возводимом на него преступлении, а потому я поддерживаю обвинение в пределах «заклечения!»”» [2, с. 10]. Безусловно, встречались и исключения, когда сотрудники прокуратуры, отказываясь от незамысловатых фраз, обнаруживали себя как талантливых ораторов, «ясная и прочувствованная речь» которых производила «глубокое впечатление как на самих судей, так и на защитника» [9, с. 1478]. Благодаря таким «цицеронам» залы суда заполнялись битком «публикой», в качестве которой зачастую выступали не только родственники и знакомые участников судебного процесса, но и случайные лица. Но в основном прокуроры-риторы являлись большой редкостью для Западной Сибири. К тому же сценарий их выступления чаще всего оказывался продуктом чужой интеллектуальной деятельности. Примером этого могут служить обвинительные речи заместителя томского губернского прокурора Е. Н. Налабардина. Они были заимствованы у корифея юриспруденции А. Ф. Кони, что не ушло от внимания одного из судебных слушателей. Возмущенный подобным эпигономством томич выразил свое недовольство на страницах местной газеты «Сибирский вестник». Редакции печатного издания пришлось брать ситуацию в свои руки и опубликовать материал в защиту «опростоволосившегося» прокурора [21, с. 10-11].

Обновление прокурорского надзора в регионе сложно было назвать успешным и плодотворным. Сами сибиряки, ссылаясь на незавершенность и «половинчатость» преобразований, говорили о невозможности качественной реализации реформы в крае. Указанные нововведения, на их взгляд, либо совершенно не вписывались в рамки существующей судебной системы, либо требовали серьезной корректировки в соответствии с ее особенностями. Серьезным промахом со стороны государства, по мнению местных чиновников и юристов, являлось подчинение прокуратуре полицейского расследования, так как моральный облик и уровень профессиональной компетенции чинов полиции оставлял желать лучшего. Критично отнеслись в регионе и к наделению лиц прокурорского надзора обвинительной властью. Представители общественности полагали, что данное нововведение не соответствует сибирским реалиям в силу недостаточной подготовки сотрудников прокуратуры. Еще одним ошибочным шагом со стороны правительства считали решение осуществить преобразование прокурорского надзора наименее затратным для казны путем. Недостаточное финансирование позже стало причиной того, что государственная власть вынуждена была решать более сложные, чем штатный дефицит, проблемы местной правовой системы. Ярче всего это проявилось в процессе изменения кадрового состава прокуратуры, когда представителям власти неоднократно приходилось выделять денежные средства для повышения качества функционирования прокурорского надзора. Пренебрежительное отношение к специфике западносибирской правовой системы, требовавшей особого внимания и подхода, стало одним из главных препятствий на пути к усовершенствованию такого органа правосудия, как прокуратура, карательную мощь которой правительство безуспешно пыталось повысить при помощи положений реформы 1885 г.

Список источников

1. **Адоньева И. Г.** «Великая полуреформа» преобразования судебной власти Западной Сибири в оценках местной юридической интеллигенции (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. 224 с.
2. **Вологодский П. В.** Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири // Русское богатство. 1892. № 12. С. 1-13.
3. **Временные правила о некоторых изменениях по судоустройству и судопроизводству в губерниях Тобольской, Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае:** Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета № 2770 от 25 февраля 1885 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Государственная типография, 1887. Собрание III. Т. V.

4. Геллертов Н. П. Усиление следственной части в Тобольской губернии // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. № 7. С. 25-34.
5. Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 376. Оп. 1.
6. ГАТ. Ф. 479. Оп. 5.
7. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 22. Оп. 1.
8. Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. И-40. Оп. 2.
9. Дело о взяточничестве тюменского исправника Бориса Красина // Сибирская газета. 1886. 7 декабря.
10. Кеннан Г. Сибирь! СПб.: Типография М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнерев), 1906. 397 с.
11. Крестьянников Е. А. Полиция и полицейское следствие в Западной Сибири (1822-1897 гг.) // Российская история. 2013. № 3. С. 84-99.
12. Крестьянников Е. А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень: Экспресс, 2009. 270 с.
13. Новое уголовное судопроизводство // Сибирь. 1885. 7 июля.
14. О судебной реформе в Сибири // Сибирская газета. 1885. 4 августа.
15. Об усилении личного состава следственной части и прокурорского надзора в Тобольской губернии и об учреждении одной новой должности товарища губернского прокурора в Енисейской губернии: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета № 10006 от 1 ноября 1893 г. // ПСЗРИ. СПб.: Государственная типография, 1897. Собрание III. Т. XIII.
16. По поводу слухов // Восточное обозрение. 1890. 16 сентября.
17. Приложения // ПСЗРИ. СПб.: Государственная типография, 1887. Собрание III. Т. V. С. 36-41.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 69.
19. Судебные преобразования в Сибири // Сибирский вестник. 1885. 16 мая.
20. Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. М. – Л.: Изд-во Френкель Л. Д., 1924. 504 с.
21. Яковлев Я. А., Рассмахин Ю. К. Томские Цицероны в судебных заседаниях // Сибирская старина. 2005. № 24. С. 10-13.

TRANSFORMATION OF PROSECUTORIAL SUPERVISION IN WESTERN SIBERIA ACCORDING TO THE REFORM OF 1885

Pyrkh Viktoriya Olegovna
Tyumen State University
vika.inkognito.97@mail.ru

The article deals with the problem of transformation of the Western Siberian prosecutor's office according to the judicial reform of 1885. The main theses of "The Provisional Regulations on Certain Changes in the Judicial System and Legal Proceedings in Tobolsk and Tomsk Provinces, Eastern Siberia and the Amur Territory" concerning reorganization of prosecutorial supervision in the region are analyzed. Considerable attention is paid to valuations of innovations by representatives of the Siberian community.

Key words and phrases: judicial reform; Provisional Regulations; Western Siberia; prosecutorial supervision; Tobolsk province; Tomsk province.

УДК 73.01.09; 004.94

Искусствоведение

В статье рассматриваются проблемы терминологии, возникающие при изучении современного явления в дизайне, обозначаемого как «цифровая скульптура», «скульптинг», «скульптурное моделирование», «3D-скульптинг». Установлено, что в настоящее время не существует единого термина и определения, характеризующего это явление. Предлагается рассматривать цифровую скульптуру как разновидность трехмерного моделирования, в котором специальные компьютерные программы посредством простых инструментов проводят операции над 3D-объектом, манипулируя им как материальными объектами академической скульптуры, например, глиной.

Ключевые слова и фразы: цифровая скульптура; трехмерное моделирование; скульптинг; скульптурное моделирование; 3D-скульптинг; определение термина.

Рогова Алена Викторовна

Федоровская Наталья Александровна, д. искусствovedения, доцент

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

Sacred29@mail.ru; fedorovska@mail.ru

ЦИФРОВАЯ СКУЛЬПТУРА: К ВОПРОСУ ТЕРМИНОЛОГИИ

Среди современных тенденций дизайна обращает на себя внимание значительный интерес к объемному моделированию пространственной и предметной среды. Нарботки в этой области приобретают значимость в свете развития виртуально-игровой, анимационной среды и рекламы. В то же время развитие современных технологий и появление так называемой 3D-печати вызвали всплеск интереса к материальному воспроизведению спроектированных моделей, которые можно отнести как к образцам промышленного дизайна, так и к художественному скульптурному проектированию нового уровня. Цифровая 3D-скульптура, выйдя из области научной фантастики, прочно вошла в повседневность. В то же время, исследований в данной области крайне мало. Новизна этого явления и стремительность его развития приводят отчасти к тому, что большая часть информации о нем располагается в популярных статьях в сети Интернет, а также в комментариях и высказываниях